

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТ

*Ученому Владимиру Константиновичу
Ранкеру*

НОВЕЙШИЙ ОБМЕН МНЕНИЙ

*Кобленца
Строу.*

*Ясани,
4.3.26*

ПО ВОПРОСУ

ОБ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ В КИТАЕ

Le point de vue...

Итак, из совокупности китайских проблем выде-
ляется и трактуется вопрос о экстерриториальности,
который является составной частью с одной стороны
и имеет отношение к другим вопросам с другой.

Вопрос этот рассматривается в
следующих частях:

1) Китайская экстерриториальность (в частности
в отношении концессий и концессии в Шанхае)
2) Китайская экстерриториальность в отношении
концессий в Шанхае (в частности в отношении
концессии в Шанхае)
3) Китайская экстерриториальность в отношении
концессий в Шанхае (в частности в отношении
концессии в Шанхае)

ХАРБИН

Типография Китайской Восточной железной дороги

1925

ВНИМАНИЕ ОБЩЕСТВА

В ПОЛНОМ

СП6Г

Сейчас в Пекине вышла в свет книга на тему злободневную и жгучую—об экстерриториальности в Китае. Книга написана на французском языке. На заглавном листе читаем:

Encyclopédie des questions chinoises.

L'exterritorialité en Chine.

La thèse chinoise.

Le point de vue étranger.

Итак, из совокупности китайских проблем выделяется и трактуется вопрос об экстерриториальности, причем излагаются: китайский «тезис», с одной, и точка зрения иностранцев, с другой стороны.

Книга воспроизводит ряд статей, появившихся, в связи с переживаемыми событиями, в местной газете «Journal de Pékin» и обративших на себя внимание некоторых кругов—как среди иностранцев, так и среди китайцев. Предприимчивый редактор-издатель (небезызвестный здесь Nachbau) поспешил переиздать указанные статьи, разделив их на три части: 1) протест против экстерриториальности в Китае китайского автора (некоего д-ра Вей), 2) ответ французского автора, каковым является бывший посланник Французской республики в Сиаме, а ныне иностранный советник при китайском правительстве, писатель-юрист, по фамилии Паду (Padoux), и 3) реплика названного Вей.

Нижеследующие строки не имеют свою целью реферировать всю полемику в ее полном объеме. Боюсь, что это было бы в изрядной мере скучно. Poleмика—несколько обширная и несистематичная, подчас тягу-

чая, с повторениями и бледная (на стороне китайца), страдающая недосказанностью и «дипломатичностью» (чтобы не сказать: осторожностью, граничащей с робостью — на стороне опять же китайца). Обилие в ней общих мест и оговорок, комплименты и всякого рода любезности по адресу противника идут в явный ущерб простой и прямой, откровенной и смелой речи.

В дальнейшем я, поэтому, собираюсь передать — разумеется, объективно—только небольшое число главнейших утверждений и соображений наших авторов, наряду с наиболее интересными из фактов, ими приводимых. Проницательный читатель, и на почве такого сравнительно скудного сообщения, сумеет все же представить себе с достаточной ясностью одну и другую позицию, а равно получить надлежащее впечатление о психологии спорящих, как и увидеть, где, в конечном итоге, искать злосчастную «истину».

А.

Мы сперва обращаемся к протесту китайской стороны.

1.

Система экстерриториальности, установленная преимущественно в 1842—43 гг. (договоры Нанкинский и дополнительный к нему), с некоторых пор, а именно от момента пробуждения национального чувства среди китайского народа, вызывает естественное неудовольствие.

Возражения против данной системы сводятся, главным образом, к следующему:

1. Экстерриториальность означает не иное что, как умаление территориального верховенства и, стало быть, неминуемо унижение китайского народа.
2. Незнакомство китайцев с консульской юрисдикцией и, в частности, с теми материально-правовыми

нормами, которые применяются консулами, — нормами, к тому же, бесконечно разнообразными, так как каждый консул применяет свое законодательство, то-есть целую группу своих кодексов, сборников и т. п., весьма отличную от группы, применяемой другим консулом, его соседом в том же городе,—все это, очевидно, зло немалое.

3. Самые функции консула, его назначение блюсти, охранять интересы своих сограждан и связанная с тем естественная и неизбежная тенденциозность едва ли могут вести к необходимому беспристрастному отправлению правосудия. И это опять-таки серьезное зло.

4. Но что едва ли не много еще хуже—это так называемые «Смешанные суды» с их некомпетентными, неосведомленными, говоря проще, непригодными «ассессорами» в роли подлинных судей.

Однако, и всего этого недостаточно.

5. Даже на территории исключительно китайской юрисдикции экстерриториальность ведет к нежелательным последствиям. Возвращаясь на родину из-за границы, китайцы, то-и-дело, оказываются либо принявшими чужое гражданство, либо, по меньшей мере, отдавшись под «защиту» чужой державы. А отсюда следует, что такие китайцы вправе не считаться с китайскими порядками и, живя в своих китайских деревнях, вправе открыто нарушать свои же китайские законы. Причем они могут быть уверены в своей безнаказанности, ибо им стоит лишь апеллировать к «своим» консулам, и рука китайского правосудия будет немедленно отведена самым решительным образом.

6. И другое еще более явное злоупотребление, вытекающее из все той же системы экстерриториальности, точно также успело получить весьма широкое распространение.

Мы говорим о предоставлении иностранцем, лицом физическим или юридическим (напр., торговой фирмой), своей фамилии или своего наименования—торговому предприятию безусловно китайскому. Благодаря подобному маневру, китайское предприятие без даль-

нейшего приобретает желанную «свободу» действий: оно сразу эманципируется от китайского закона и китайского судьи и, что, пожалуй, всего важнее, от китайского судебного исполнителя. Легко понятно, что и тут недремлющее око консула как нельзя лучше оберегает данного китайского купца и его торговое заведение от всякого на них воздействия китайского правопорядка.

А разве не многочисленны и такие даже случаи, когда миссионер своею иностранною правоспособностью покрывает «проворовавшегося» важного китайского чиновника, имуществу коего грозит опасность в виде иска, конфискации и т. п.?

То же самое, затем, происходит нередко и с крупным состоянием еще другого китайского сановника—генерала, претерпевшего военное поражение от своего победоносного противника. Основная в этих случаях забота—это спасти свое имущество. И вот на сцене опять появляется иностранец. Он услужливо «переводит на свое имя» все, что следует—при помощи, очевидно, того же консула. Последний излишних затруднений отнюдь не чинит. Правда, необходимо зарегистрировать у консула акт «купли-продажи», но консул не проявляет чрезмерного любопытства по вопросу о том, реальна ли в самом деле покупка, не фиктивна ли она, наоборот, от самого своего начала и до самого конца. Все протекает очень просто и очень быстро. Иностранец А. заявляет своему консулу, что он купил у китайского генерала Z. сорок (!) домов. И прекрасно, Консулу, настаиваем, нет дела до того, подлинно ли А. уплатил, и могла ли вообще оказаться у него сумма, нужная для столь почтенной по своим размерам операции. Сделка регистрируется, и отныне имущество неприкосновенно.

Даже торговые суда, неоспоримо китайские, и те точно таким же образом превращаются в суда иностранные и начинают плавать под чудодейственным иностранным флагом, гарантирующим им полный иммунитет.

При подобных обстоятельствах удивительно ли, что народные массы в Китае смотрят на экстерриториальность просто как на орудие неуязвимости и безна-

казанности, как на способ выйти из подчинения закону? И притом с целями грубо корыстными, направленными на эксплуатацию и приобретение выгод зазорных, зачастую преступных. А, между тем, самонаименьшее нарушение привилегий, связанных с экстерриториальностью, навлекает на Китай грома и молнии соответственных—консула, посланника и правительства, которые торопятся предъявить Китаю «энергичный» протест, а заодно и обстоятельный счет убытков, процентов на убытки и проч.

Китайский народ хорошо помнит войну 1840—42 годов, за которую ему пришлось дорого заплатить. По существу эту войну (так-наз. «Opium War») китайская хроника и китайская пресса рисуют как войну, которую, прежде всего, преследовалась цель навязать Китаю не иное что, как торговлю опиумом.

А, кроме опиума, морфия, кокаина и т. п.—таково снова убеждение китайских масс,—не процветает ли, под прикрытием прав экстерриториальности, еще контрабандная торговля оружием и военным снаряжением? Ибо и к контрабандисту, если он иностранец, тоже нелегко подойти: нелегко его разоблачить, а тем более покарать.

Соответственно, в экстерриториальности китайцы видят уже даже не только национальное унижение. Нет, они в ней усматривают огромнейшую опасность, народное бедствие в общегосударственном масштабе.

Что же касается самых договоров, породивших экстерриториальность, то они китайским народом и китайскою прессою считаются и называются договорами «несправедливыми», или договорами «неравными». И, конечно, такая квалификация не заключает в себе ничего неожиданного и странного, искусственного или произвольного.

II.

В Париже, по окончании мировой войны, на тогдашней конференции, китайской делегацией был представлен мемуар по вопросу об отмене экстерриториальности.

Основания, приводившиеся здесь китайскими делегатами, могут быть сведены к следующему:

1. Китайская конституция гарантирует полную независимость судей и воспрещает всякое вторжение в отправление судейских обязанностей.

2. Китай обладает несколькими кодексами, как, напр., уголовным кодексом, вступившим уже в действие.

3. Судебные места в Китае организованы надлежащим, правильным образом: существуют суды окружные и апелляционные, существует и высший суд в Пекине. При всех судах имеется прокуратура.

4. В Китае установлено деление на производство уголовное и гражданское; обеспечена гласность судебных заседаний; пересмотрена и исправлена нормировка дачи и оценки свидетельских показаний; отменены телесные наказания, бывшие раньше в употреблении на предмет вынуждения к признанию; введена адвокатура с целью оказания клиенту помощи и защиты.

5. Китайские судьи получили юридическое образование, все без исключения. Многие из них даже имеют дипломы об окончании юридической школы за границей.

6. Реорганизованы в Китае также тюрьмы и управление полицией.

Указав, далее, на недостатки нынешнего положения вещей, когда, вследствие консульской юрисдикции, наблюдается и несогласованность постановки дела в разнообразных судебных учреждениях, с происходящими отсюда неразберихою и хаосом, и крайняя, нередко, отдаленность суда от места совершения деяния или места жительства свидетеля и даже стороны, и еще многое, многое другое, о чем частью уже сказано выше, —отметив все эти недочеты, а, с другой стороны, давши обещание, что и прочие необходимые кодексы получат силу закона и будут введены в действие не позднее конца 1924 года, китайские депутаты на конференции в Париже, в остальном, потребовали всего только:

1) чтобы дела уголовные и гражданские, в коих обвиняемым или ответчиком выступает китаец, разбирались китайским судом без всякого участия иностранного консула или его представителя,

и 2) чтобы решения китайских судов приводились в исполнение на всем пространстве территории Китая, не исключая иностранных селтльментов и концессий, без предварительной поверки решений иностранными консульскими властями.

III.

В Вашингтоне снова раздалась аналогичные требования со стороны китайцев. В состав китайской делегации на этот раз входил известный Ван-Чунь-юй, один из наилучших китайских ученых юристов, признанный и на Западе авторитет (он был членом Палаты Международного Суда в Гааге).

Ван-Чунь-юй усиленно отметил, что должно себе отдать вполне ясный отчет в том, что современный Китай нельзя смешивать ни с Китаем, каким он был восемьдесят лет тому назад, в дни вынужденного установления привилегий, сопряженных с экстерриториальностью, ни даже с Китаем всего только двадцать лет тому назад, когда, например, Великобритания в Шанхайском договоре 1902 года (так наз. «*Maskau Treaty*», ст. XII) обещала Китаю свою поддержку по части преобразования его судебной системы и связанной с этим преобразованием отмены прав экстерриториальности.

Все же, ни Ван-Чунь-юй, ни его коллеги не потребовали и в Вашингтоне немедленного и полного упразднения существующего, порицавшегося ими порядка. Весьма скромно они удовлетворились тем, что предложили иностранным державам приступить, вместе с Китаем, к постепенному улучшению дела, при одном лишь условии—учинения уже сейчас некоторого доброго начала в желательном направлении. С своей стороны, державы, в общем, отнеслись сочувственно к постулатам китайских представителей, в результате чего оказалась учрежденной некоторая Международная Комиссия, согласно нижеследующей резолюции:

«Что правительства держав (то были: Соединенные Штаты Америки, Бельгия, Британская империя, Франция, Италия, Япония, Нидерланды и Португалия) создадут Комиссию (в каковую каждое из названных пра-

вительство назначит по одному члену), для изучения практики экстерриториального правосудия в Китае в настоящее время, а также законов, судебной системы и способов отправления правосудия в Китае—для доклада правительствам выше поименованных держав об обследованном в данном отношении положении вещей и для представления о тех мерах, которые она сочтет способными привести к улучшению существующих условий отправления правосудия в Китае, а равно для помощи и облегчения усилий китайского правительства в деле создания таких судебных и законодательных реформ, которые дали бы державам возможность отказаться, постепенно или в каком-нибудь другом порядке, от своих прав экстерриториальности;

«Что намеченная Комиссия будет образована в течение трех месяцев со дня окончания конференции, согласно с подробными, подлежащими утверждению правительства указанных держав, правилами, и получит мандат сделать свой доклад и представление не позднее одного года после первого заседания Комиссии;

«Что каждая из означенных держав будет свободна принять или отклонить либо все представления Комиссии, либо только некоторые из них, но что ни в каком случае ни одна из держав не обусловит своего принятия или отказа всех либо только некоторых из этих представлений уступкою со стороны Китая каких-либо: специальной концессии, льгот, выгод или привилегии, как политической, так и экономической» ¹⁾.

IV.

«Да только воз и ныне там».

А, между тем, положение, как-никак, серьезное.

В крупных коммерческих и промышленных центрах и, особенно, в «открытых портах» рабочие все больше начинают интересоваться национальными вопросами и

---

¹⁾ Ср. для перевода А. В. Сабанина, Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и Тихоокеанским и Дальневосточным вопросам 1921—1922 г. Издание Литиздата НКВД, Москва, 1924, стр. 88 и сл.

из них, в первую очередь, вопросом об экстерриториальности.

К ней (экстерриториальности) отношение китайской рабочей среды не только резко отрицательное. Рабочие идут дальше. Они готовы оказать всякое посильное сопротивление удержанию и впредь преимуществ, порождаемых экстерриториальностью. И это их настроение и возмущение лишь потому еще не вырвалось всецело наружу, что их вожди пока и сами не имеют окончательной программы. Однако, китайский политический деятель, который оказался бы во всеоружии требуемого знания и опыта, легко мог бы найти в этих рабочих массах чрезвычайно сильную опору, вполне достаточную для возрождения Китая.

Ошибочно и вредно полагать, будто все сводится к громким лозунгам и формулам на знаменах молодежи, возбуждаемой, мол, единичными агитаторами или чьими-то агентами.

Даже такой осторожный и тяжеловесный класс, как купцы и промышленники в Китае,—и он, вопреки тому, что часто думают и говорят, далеко не равнодушен к своим национальным проблемам. Этими проблемами он интересуется, притом, не на почве узкого национализма, а на почве нормального и здорового чувства и представления о равенстве людей, о равенстве государств. И этот торговый класс точно также готов сыграть ту свою роль, какая ему будет предназначена в движении, направленном на устранение привилегий иностранцев. Нераз он уже и выходил из пассивного состояния, прибегая, в качестве наиболее удобного для себя оружия, к бойкоту иностранных товаров. И отнюдь не всегда такое его вмешательство оставалось безрезультатным: подчас, напротив того, оно существенно облегчало китайскому правительству ведение переговоров с иностранными державами.

Насколько единодушны в Китае все классы населения в своем требовании отмены экстерриториальности, отлично знают и иностранные дипломаты в Пекине.

Недаром недавний представитель Соединенных Штатов Америки в Китае, Шёрман, в своей нашумевшей речи, произнесенной в начале текущего года,

сколько ни высказывался против упразднения ныне же прав экстерриториальности, все-таки не мог не согласиться:

«О том, что китайский народ, благодаря пробуждению в нем, на пространстве последних лет, национального самосознания, восстает против консульской юрисдикции, на которую он смотрит как на попираание его, китайского народа, национального верховенства,— об этом факте иностранцы в открытых портах еще не осведомлены вовсе или осведомлены очень мало... Огромное большинство коммерческой публики в этих местах не имеет никакого понятия о том, в какой высокой степени китайцы стали чувствительны на данный счет».

И затем:

«Миром управляют чувства и идеи»—заявляет посланник. — «Соприкосновение с западными народами стимулировало и ускорило в Китае рождение национального чувства. И, следовательно, нам не приходится удивляться, что китайский народ начинает требовать того, чего требуют и все прочие народы света: права самому ведать свои собственные дела».

Но если так, если этого не отрицает и названный иностранный представитель империализма, то каким же образом примирить со сказанным утверждение его же, Шёрмана, будто нынешнее движение против трактатов инспирировано одним из его коллег—советским послом Караханом? Утверждение это из явно ложных. Разве не безусловно права китайская пресса, когда твердит, что, выступая против экстерриториальности, Китай только следует примеру других стран,—напр., идет по стопам Японии, где, очевидно, советских дипломатов во время оно и вовсе не было?! Точно также и в самом Китае, еще задолго до появления в России советов, общественное мнение высказывалось уже вполне определенно против несправедливых договоров. Известно, что идущий сюда протест даже послужил одною из причин революции 1911 года. Поднимаясь против режима, господствовавшего при последней сверженной династии маньчжуров, китайский народ обвинял императорское правительство, между прочим, в том, что оно Китай

продавало иностранцам, что иностранцам предоставлялись чрезмерные права и преимущества.

Таким образом, единственное, что, пожалуй, верно, это лишь то, что Китай действительно усматривает заслуживающий внимания и подражания почин в прекрасно всем известном отказе советского правительства признавать на будущее время договоры, заключенные царскою Россиею с многочисленными иностранными государствами.

Каковы же, спрашивается, итоги? Поистине, они неутешительны.

Мы здесь отметим только одно обстоятельство.

Иностранцы, главнейшим образом иностранные коммерсанты, фабриканты и заводчики, привыкшие к своему привилегированному положению и ревниво оберегающие свои интересы и доходы, если не все без исключения, то в своем подавляющем большинстве—стоят за сохранение *status quo*.

К сожалению, мало чем отличается и позиция иностранных правительств с дипломатическим корпусом в Пекине.

Правда, теоретически эти государства и их дипломаты не отказывают Китаю в его способности войти снова в обладание своими суверенными правами, но практически и фактически они же это его правомочие сводят на-нет. Путем ссылок, с одной стороны, на заключенные Китаем договоры, а, с другой, на отсутствие в Китайской республике, пока-что, единой и достаточно мощной или авторитетной правительственной власти, трактатные державы отсрочивают возвращение Китаю исторгнутых у него прав «*ad calendas graecas*». Ибо, в сущности, что иное означает это обещание дипломатов: от навязанной силою Китаю экстерриториальности отказаться тогда, когда они сами, дипломаты, признают, что отныне китайское правительство и взаправду способно обеспечить на протяжении всей республики необходимые мир и безопасность, а

равным образом обязательное уважение по адресу имущества и жизни иностранцев?

И не кроется ли, вместе с тем, именно здесь основная причина того глубоко прискорбного факта, что неотразимо—естественно, быстро и сильно — растущее национальное движение сопровождается ростом также чувств и настроений, недвусмысленно враждебных к иностранцам? А настроения эти чем дальше, тем больше проникают в самую толщу населения без различия классов и каст. Зло же, вытекающее отсюда, тем опаснее, что параллельно идет еще процесс растущего озлобления китайского народа и против своего же правительства—правительства беспомощного и жалкого, не умеющего выполнить самую элементарную обязанность свою, разрешить задачу, волею судеб поставленную в очередь дня.

Б.

Мы переходим к возражениям, как они формулированы высоко квалифицированным иностранцем.

1.

Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание вот какой довод.

Постоянно говорят, — так замечает оппонент,— о «нарушении суверенных прав Китая», об «умалении его территориального верховенства» и т. п.

Но введение в спор о вопросах политического порядка понятий порядка **метафизического** всегда только осложняет, а никак не упрощает разрешения вопросов.

Начать с того, что своим происхождением те права и принципы, о которых идет речь, обязаны, очевидно, не небу и не божеству какому-нибудь, а происхождения они, разумеется, человеческого, эмпирического. Не отражая воли существа трансцендентного, они, следовательно, не покоятся на метафизической, изъятой из обсуждения базе. И не абсолютны они, а всегда релятивны, ибо только выражают отношения, которые ка-

ждодневно изменяются и преобразуются параллельно с эволюцией индивидов и эволюцией государств. Наконец, они справедливы и законны, лишь поскольку еще продолжается тот порядок вещей, который их призвал к жизни.

Мало ли какие теории были в обиходе. Задолго до теории о суверенных правах государств возникли, было, и даже расцвели, однако, позднее погибли, еще другие теории—теории многообразные, казавшиеся их сторонникам чем-то едва ли не священным. Таковы, напр., олигархическая теория эллинской древности, или теократическая теория средневекового папства, или еще теория божественной природы королевской власти.

Но все это отошло в вечность. Отчего отошло? Да просто оттого, что изменились те взгляды на интересы индивидов и групп, которым отвечала та или другая теория в области учения о государстве.

Девятнадцатое столетие жило политической теорией народного суверенитета, каковой-де суверенитет находит свое выражение во всеобщем голосовании свободных граждан. А что мы видим в настоящее время? Мы видим, что самый передовой режим—режим советов—заменяет суверенитет народа суверенитетом пролетариата, что он ограничивает права голосования и почти окончательно упраздняет ту свободу слова и печати, которую наши отцы почитали неотъемлемою принадлежностью демократического государства.

Точно также последний роковой час пробил и для теории суверенных прав государства. Вот уже полвека, а в особенности со времени мировой войны 1914—1918 гг., как данная теория делается все слабее и слабее. Ныне ей приходит на смену теория иного рода прав—прав **человечества**. И пред этими правами высшей, бесспорно, категории начинают стусевываться права независимых государственных образований.

В свою очередь, и эта новая теория является не более, как опять же выражением идущих сюда стремлений людей—на сей раз стремлений, толкающих самостоятельные политические организмы на путь объединения в союзы с целью создания уже настоящего Общества народов. Бесчисленные международные согла-

шения, определяющие огромное количество отраслей человеческой деятельности; далее, доктрина Монроэ, конституция Союза Советских Социалистических Республик, Лига Наций и др.,—все это лишь проявление того нового духа, которым проникается весь мир и который общие интересы человечества стремится поставить выше, чем интересы отдельных государств, а права цивилизации—выше, чем суверенные права того или другого государства.

И этот новый дух уже настолько успел распространиться, что сам же Китай призывает его на помощь. Взять, напр., вопрос о торговле оружием или вопрос об опиуме. Когда представители китайского правительства заявляют свои относящиеся сюда требования, разве не к этому именно новому началу они апеллируют? Отдадим себе отчет в том, что с точки зрения суверенного государства Китаю мог бы быть дан ответ такой: тебе нет дела до того, что происходит и что производится у нас, и мы попрежнему на своей территории будем фабриковать, а равно экспортировать как оружие, так и опиум, морфий и вообще все, что нам угодно. Если, однако, подобного ответа не раздалось, то не объясняется ли это тем, что существует сознание наличия над суверенными правами государства еще каких-то обязанностей государства в его качестве члена семьи народов, что существуют **общий** интерес и **общее** благо человечества?

II.

Но этого мало, — продолжает оппонент.— Должно в одинаковой мере избегать оперирования и с другим еще понятием и термином, даром, что он «преуспел» в Китае за последние полгода. Я имею ввиду так-называемый «неравный договор».

Что разуметь под «неравным» договором? Договор, статьи которого трактуют одну сторону и другую по-разному? А чтобы договор был, наоборот, «равным», не то ли надо, чтобы в любой статье договора возможно было, вместо одной стороны и ее имени, поставить имя другой стороны?

Спора нет: если принять такое определение «равного» договора, то нетрудно согласиться, что договоры, на которые жалуется Китай, и в самом деле «неравные».

Как же помочь горю? Скажут: очень просто—стоит только «неравные» договоры заменить «равными». Но мыслимо ли вообще заключать «равные» договоры? По совести: за исключением крайне редких случаев,—договор подлинно равный нереален, неосуществим.

Пусть пред нами политический договор,—напр., мирный договор между Китаем и Сиамом. Пусть названные государства обязались не нападать друг на друга. Но в Китае 400 миллионов жителей, а в Сиаме жителей только 8 миллионов. Очевидно, что Сиам не совершит безумия напасть на Китай и помимо всякого о том договора. Другое дело—Китай, который с легкостью может победить небольшой Сиам. Итак, договор выгоден одному Сиаму, и, стало-быть, договор «неравен».

То же самое произойдет, если предположить, что те же государства, напр., обязались оказывать одно другому помощь во время войны с какою-либо третьей державой. Опять пред нами неравенство: помощь малого государства, т.-е. Сиаму, для великого Китая несущественна; напротив, помощь Китая Сиаму спасительна.

Или еще: допустим, что между Китаем и Сиамом же заключен договор, которым установлены условия пребывания и передвижения граждан одного государства в пределах другого государства. Но в Сиаме живет по меньшей мере 300.000 китайцев, а в Китае живет едва ли даже одна тысяча сиамезцев. И этот договор опять-таки будет неравен, причем в данном случае выгода на стороне Китая; для Сиаму договор почти-что бесполезен.

Не будет «равным» и торговый договор, если он заключен между одною странюю, которая экспортирует больше, чем импортирует, и другою странюю, вывоз которой, обратно, меньше ее ввоза. Равенство на бумаге и тут не даст еще равенства на деле.

Но в особенности следует учесть те случаи, когда тождественным статьям трактата не отвечает в догово-

ривающихся государствах тождественный же или даже только сходный порядок вещей. В таких случаях «равные» договоры решительно невозможны. Невозможны, пока, именно по этой причине и «равные» договоры Китая с большинством прочих государств.

Ибо представим себе только, что между Англией и Китаем или между Францией и Китаем заключен договор сейчас упомянутого содержания—о свободе пребывания, передвижения, торговли.

Китаец, который на этом основании стал бы проживать во Франции или Англии, будет в состоянии свободно и беспрепятственно передвигаться по всей стране, от одного ее конца до другого. Если он сядет в поезд железной дороги, он отъедет в час, назначенный по расписанию, причем в поезде он непременно найдет для себя место, в точном соответствии с купленным им билетом. В дороге нашего китайца не будут стеснять ни военные, ни гражданские власти, и ни один безбилетный солдат не будет к нему приставать и его беспокоить. Затем он прибудет в место назначения опять же правильно, как указано в расписании.

Если нашему китайцу нужно будет, во Франции или Англии, отправить товар, ему довольно будет внести предусмотренную тарифом плату за провоз груза. Ни с какими требованиями генералов, которые, дескать, зняли подвижной состав железной дороги, ему не придется считаться.

Если данный китаец захочет открыть лавку, или фабрику, или что-нибудь в этом роде, он, естественно, должен будет покориться определенным на этот счет постановлениям администрации и полиции, но эти постановления будут ему наперед известны, и в нем будет жить уверенность, что, по выполнении всех указанных требований и формальностей, ему не будет чиниться препятствий в его торговой или промышленной деятельности. В частности, от него никто не будет вымогать платежа еще каких-то дополнительных, неведомых закону сборов, по усмотрению представителя военной власти в данном округе.

Наконец, если все тот же китаец пожелает совершить прогулку в уединенном месте, то он, правда, и во

Франции и в Англии, как в любой стране, может повстречаться с ворами, разбойниками и вообще преступниками, но он не станет подвергаться такой, например, опасности, что его похитят, увезут и будут держать где-то далеко с лишением его свободы в продолжение целых месяцев, пока не придет назначенный грабителями выкуп

Но если все это так, то говорить о «равенстве» договоров Китая с государствами Европы или Америки — не чистая ли это утопия?

Однако и этого мало. Имеется еще одна сторона дела, и эта сторона очень важна. Ее напрасно замалчивают китайские «протестанты», те самые, которые возмущаются «неравными» договорами и совершившимся на этой почве «завоеванием» Китая, обращением его в «инострannую квази-колонию» и т. п.

На минуту остановимся и на этом вопросе.

Если исключить советских граждан, немцев, австрийцев и прочих иностранцев, не пользующихся экстерриториальностью (их всех, приблизительно, 300.000 человек), то в Китае окажется 182.000 иностранцев, из них 153.000 японцев, которые не подчинены китайской юрисдикции. И, наоборот, на территориях государств этих же привилегированных иностранцев, по адресу коих слышны упреки и протесты, живут от 6 до 8 миллионов китайцев (6 миллионов — цифра безусловно минимальная). В Китае около 10.000 американцев; в Соединенных же Штатах Америки около 80.000 китайцев (в том числе 20.000 на Гавайских островах). Англичан в Китае, собственно, не свыше 12.000; китайцев же в области Сингапура и поблизости и в Соединенных Малайских Штатах — свыше 2 миллионов. Если французов в Китае 2.500 человек, то китайцев во французском Индо-Китае 560.000. И т. д. При означенных условиях, казалось бы, режим «неравенства» не в такой уже страшной мере неблагоприятен для Китая. Получив из-за границы меньше чем 500.000 иностранцев, Китай за границу отправил более 6 миллионов собственных граждан.

И пусть не говорят, что эти китайские колонии ничтожны, что они, положим, бедствуют. Нисколько.

В них-то и сосредоточена как-раз почти вся торговля и наибольшая половина частного капитала. Сингапур, Бангкок, промышленная часть Сайгона—поселения почти всецело китайские. Вот уж где, и в самом деле, не грех было бы сказать, что все это — «китайские квази-колонии» или, пользуясь излюбленным выражением китайских публицистов, что это настоящие «*imperia in imperio*» (т.-е. «государства в государстве»).

III.

Благополучно устранив, таким образом, некоторые моменты, способные лишь затемнить вопрос, а не уяснить его,—спросим себя: что же, по самому существу, разъединяет оба лагеря? Или, другими словами: если китайцы требуют отмены экстерриториальности, то отчего же, действительно, иностранцы не могут либо не хотят удовлетворить это требование?

Отбрасывая всякого рода преувеличения, а также недоброжелательную тенденциозность, наблюдаемые подчас со стороны критиков китайского правового строя, — нельзя не видеть и нельзя не признать, что Китай—это в настоящее время едва ли не та страна, в которой закон уважается всего менее, а гражданин, его личность и его имущество защищены всего слабее.

Главным образом, тройкое здесь прямо бросается в глаза.

1. Неудовлетворительность законодательства.

Китайское правительство стремится дать своему народу законодательство, соответствующее его современному хозяйственному и социальному развитию. Но осуществление подобного задания требует чрезвычайно долгого времени. Ведь, дело идет не только о публичном, но и о частном праве. Пусть введен кодекс уголовных законов, но, ведь, в области гражданского права не сделано еще ничего. Попрежнему в основе гражданско-правовой жизни Китая лежит окончательно устаревший кодекс династии Цзинь, плюс огромная,

хаотическая масса обычно-правовых норм, императорских указов, президентских декретов, министерских распоряжений и пр., в такой степени многочисленных и противоречивых, что самому искусному законоведу в Китае не под силу в них разобраться.

Прежде чем подчинить иностранцев китайскому закону, необходимо главнейшие, по крайней мере, части гражданского и торгового, а также административного права кодифицировать и сделать для всех доступными и удобопонятными. Надо и о том позаботиться, чтобы имеющие быть выработанными нормы были согласованы с местными нуждами. У китайского правительства дурная привычка: в видах модернизации своего права, оно вводит без изменения чужестранные законодательные тексты — из Германии, из Франции, Англии и Америки — даже не задумываясь над бесконечной разностью условий здесь и там. С внешней стороны все прекрасно. Но и только, ибо рецепированные законы остаются в жизни — мертвою буквою.

Тем не менее, обращая мысль к созданным в Пекине после революции учреждениям для кодификационной работы, следует надеяться, что отмеченные пробелы законодательного характера могут быть восполнены в сравнительно близком будущем.

Но, к сожалению, это еще не все.

2. Неудовлетворительна в Китае и судебная организация.

Наружным образом и тут, как-будто, все обстоит благополучно.

Имеется обширная сеть мировых судов, над которою возвышается ряд судов первой инстанции для споров более крупных. Затем следуют суды второй инстанции, для апелляции. Наконец, здание венчается высшим кассационным судом в Пекине.

Но если взглядеться поближе, то и в этой области картина представляется несравненно менее отрадною.

Лишь меньшинство мировых судей — действительно судьи. Большинство — чиновники административного характера. Далее, не все провинциальные суды сознают себя звеньями одной великой цепи. Нераз они от-

казывали в подчинении суду, над ними стоящему, а иные из них даже уклоняются от необходимого подчинения кассационному суду в Пекине. Излишне развивать, что тем самым нарушается единство системы, а с ним и всего отправления правосудия.

Но еще значительно хуже два другие дефекта — дефекта основные.

Это—зависимость судей,—раз, и отсутствие у судей достаточного профессионального образования, — два.

По части зависимости: официально члены китайских судов пользуются несменяемостью и наделены разного рода гарантиями. Однако, на практике совсем не то, и редкий из судей в силах противостоять тому давлению, которое на него производится министрами, губернаторами, политическими партиями и вообще всеми «власть имущими».

Мы готовы сделать уступку, Пусть, с улучшением политических условий в стране, и этот недуг—мы говорим о судейской зависимости—поддастся врачеванию и исчезнет более или менее. Но вот другое: как быть с необразованностью того же судейского персонала?

Предпошлем и опять же согласимся: что касается гражданских правоотношений, поскольку они уже издавна знакомы Китаю (напр., отношений семейного или еще земельного права), а равно уголовно-правового порядка, то китайский судья здесь ориентируется вполне свободно, и даже не просто хорошо, а прямо-таки превосходно. В этих областях он обнаруживает отличное знакомство с материалом, одинаково как обычно-правового, так и законодательного происхождения.

Но возьмем другой обширный ряд правоотношений, возникших в Китае не так давно, а лишь с тех пор, как для иностранных коммерсантов открылись некоторые гавани и у Китая завязались торговые сношения заграничного типа. Все, сюда идущее, абсолютно ново и не находит себе прецедентов в судебной летописи Китая, несмотря на ее почтенный возраст, на ее три тысячи лет. Таковы: вопросы морского права—морской перевозки с фрахтованием и цертепартией, морского страхования и аварийные; вопросы поставки и трансфертов; вопросы права вексельного и чекового; вопро-

сы залога и личного обеспечения; вопросы цессии прав требования, и т. д., и т. д. А, между тем, для вырешения споров по перечисленным сейчас правовым институтам требуется не только юридическое образование, но и практический стаж и опыт. В частности, требуется очень солидное знакомство с иностранными системами права. Но этого знакомства у китайского судьи уже и вовсе нет—нет, разумеется, помимо всякой его в том вины; однако, факт оттого не перестает быть фактом. Добавим еще, что в Китае, вследствие разнообразия, с точки зрения национальности живущих в нем иностранцев, и вследствие крайне запутанного, в связи с тем, клубка законодательств—разрешение судебных споров вдвойне трудно. Вряд ли, например, на всем земном шаре найдется еще другое место, кроме Шанхая, где бы столь же часто всплывала коллизийная норма и где бы, притом, эта норма, это международное частное право подлежали применению в столь же причудливом и трудном сочетании общих юридических начал и отдельных правоположений, как именно в Шанхае.

Можно ли ожидать, что китайский судья сумел бы уже ныне совладать со всею проистекающею отсюда задачею, если сейчас он делает ошибки грубейшего свойства даже в тех случаях, когда от него требуется всего лишь простое понимание закона—китайского же закона, но только заимствованного из Европы или Японии?

Всюду в странах, где раньше господствовала система капитуляций, а позднее удалось от нее освободиться, этому моменту освобождения предшествовал длительный период, на протяжении которого подготавливался целый штат компетентных судей—подготавливался путем обучения в наилучших заграничных университетах. Такой период в Японии, напр., продолжался тридцать лет, в Сиаме—не меньше четверти века. Но того же нельзя, к сожалению, сказать о Китае. Хотя, конечно, и из китайцев немалое число возвращается из Европы и Америки, после успешного там окончания курса юридических наук, но эти люди, за редкими исключениями, не посвящают себя судейской деятельности.

3. Однако, и это еще далеко не худшее.

Можно мириться и с дефектным законодательством, буде только оно применяется нормально; можно, в конце-концов, подчиняться и решениям судей, не стоящих на высоте профессионального знания и развития, если только в остальном судопроизводство не внушает подозрений. Но недопустимо жить среди правовой... анархии. Эта-то анархия и есть самый крупный, самый ужасный камень преткновения на пути разрешения проблемы экстерриториальности в Китае.

Произвол—вот что сейчас губит отправление правосудия в Китае. Впрочем, только ли правосудия? И вообще Китай ныне отдан на произвол властей военных и административных. Так где уж бедным, бессильным судебным учреждениям сохранить, хотя бы в самых скромных размерах, обязательную свободу действий?

Примеров и доказательств можно привести сколько угодно.

Разве губернаторы не угрожают смертной казнью и не приводят ее в исполнение по адресу преступников, которым закон угрожает в качестве высшей меры наказания лишь тюремным заключением в несколько лет, а подчас только месяцев?

Разве личная свобода человека в Китае ограждена, как того требует сам же китайский закон? Отнюдь нет. И аресты без приказа судьи, и предварительное заключение сверх дозволенного законом срока, и препятствия, одинаково чинимые как самому обвиняемому, так и его адвокату в деле защиты и обнаружения правды,—не означает ли это очевиднейшего нарушения уголовных кодексов, и материального и процессуального? Подчеркнем еще лишь, что эти нарушения практикуются столь же широко, сколько и открыто.

А что сказать о распространенном и по настоящий день применении пытки с целью добиться от подсудимого сознания, а от свидетеля—желательного показания? Между тем, тот же китайский уголовный закон предусматривает и даже сурово карает всякого рода

жестокость и насилие над личностью обвиняемого, ответчика, а равно других участников любого процесса.

Вопреки закону, и телесные наказания в обиходе. Одно из двух. Либо отмена телесных наказаний не отвечает общественным условиям Китая, вековым традициям, нравам и психологии китайского населения, и тогда законодатель пусть снова введет телесные наказания, или пусть ограничит их отмену определенной областью, территорией таких-то судебных округов. Либо, если телесные наказания окончательно, согласно закону, перестали существовать, тогда пусть, соответственно, они и фактически также отойдут в прошлое, — пусть будут сданы в архив и в повседневной также жизни.

Что касается, наконец, вторжения в имущественную сферу граждан, то приходится указать, что здесь дурной премер подается властью уже, что ни на есть, вышею в государстве.

При каждом почти политическом перевороте в Пекине, президентом издается распоряжение о секвестре или даже конфискации имущества тех или других членов побежденной партии. Нужно ли отмечать, что закон и в данном случае не санкционирует подобных мероприятий?

Достаточно и приведенных иллюстраций. Разумеется, было бы нетрудно умножить их число.

IV.

Нельзя отрицать того обстоятельства, что начало экстерриториальности, как уже замечено выше, было Китаю навязано силою. И в этом, бесспорно, заключается большая несправедливость.

Но было бы ошибочно из-за одной несправедливости допускать или создавать другую несправедливость. Не следует забывать, что, благодаря экстерриториальности, благодаря порожденному именно ею сближению с людьми и идеями, пришедшими из Европы и Америки, Китай пробудился от своего многовекового летаргического сна и обещает отныне сделаться одним из важнейших факторов в процессе мировой эволюции.

Вопрос об отмене консульской юрисдикции и надлежит рассматривать не иначе, как в плоскости этой эволюции, в теснейшей с нею связи. И это уже потому, что тогда вопрос сводится к своим истинным, минимальным, размерам.

В самом деле: велико ли значение факта существования специального статута для 25.000 европейцев или американцев, если принять в соображение, в масштабе 400-миллионного населения, такие проблемы, как государственное устройство Китая с его централизацией или, напротив того, федерализацией, как сокращение его армий, как восстановление в Китае порядка, как поощрение его промышленности и развитие в нем земледелия?!

И, наконец, еще одно соображение.

Указывают, что иностранцы пользуются преимуществами, которые не составляют удела китайцев. Это верно. Но разве китайское население, страдающее от кричащих злоупотреблений властей и военных и гражданских,—разве оно в меньшей степени будет страдать от тех же злоупотреблений **лишь потому**, что и иностранцы подвергнутся той же участи? Нет, напротив: привилегированное положение, защищающее граждан так-называемых трактатных государств, не служит ли оно для китайского народа хорошим примером, наглядным уроком и полезным стимулом? Без сомнения, да—служит.

Итак, подводя, с своей стороны, итоги, мы скажем:

Пусть китайское правительство ускорит составление и обнародование кодексов гражданского и торгового. И пусть эти кодексы найдут себе применение не только в китайских судах, но и во всех судах консульских, а также смешанных. Этим путем будет достигнут двоякий успех: законодательное объединение страны и перевес китайского закона над законом иностранным.

В сферах же уголовной и административной придется пока еще оставаться при существующем режиме. Поскольку в этих областях еще царят в Китае произвол и небезопасность, иностранцам лучше ведаться своими же властями, т.-е. попрежнему иностранными. Иначе—неизбежны столкновения, неизбежны частые и,

к тому же, обоснованные вмешательства дипломатических миссий по принадлежности и, в конечном результате, вредное для обеих сторон состояние хронического взаимного раздражения и подозрения.

Иное дело — сфера частноправных отношений. Здесь можно бы уже сейчас потрудиться над организацией переходной системы китайских судов с участием иностранных элементов. Таким судам можно бы, затем, поручить, в порядке постепенности: сперва дела между иностранцем-истцом и китайцем-ответчиком; далее: обратно, между китайским истцом и иностранным ответчиком, и еще позднее: дела иностранцев между собою.

Таков тот значительный шаг вперед, который Китай, пожалуй, способен сделать уже теперь, в текущем 1925-ом и следующем 1926-ом годах, в направлении отобрания назад правомочий, отчужденных им около восьми десятков лет тому назад. Но лишь при том необходимом условии, что осуществится это не иначе, как по окончании того следствия, которое имеет произвести комиссия юристов, согласно резолюции, принятой на конференции в Вашингтоне (см. выше).

В.

Реплика китайского писателя не содержит ничего существенно нового и мною поэтому, всего лучше, опускается.

Взамен я лично от себя выскажу одно-другое соображение или, если угодно, положение в ответ французскому дипломату и юристу.

Но буду я краток. Во-первых, позиция противников отмены прав экстерриториальности в Китае уже достаточно выяснилась. Во-вторых, значительная часть рассуждения Паду, на мой взгляд, не нуждается в опровержении. Ибо думать, что говорить об умалении суверенитета Китая значит вводить в дискуссию элемент «метафизический», — так думать может, по моему убеждению, лишь тот, кто либо не представляет себе правильно и точно сущности суверенитета, либо по-

читает возможным в глубоко серьезном, почти трагическом вопросе заменить довод по содержанию некоторым, пусть и остроумным или изящным, софизмом. И в одном и в другом случае спор отпадает. А так как с неумением или нежеланием стать на надлежащую почву в вопросе о государственном верховенстве связано и несогласие того же автора признать одиозно «неравными» или «несправедливыми» договоры между Китаем и так-наз. трактатными государствами,—то и тут спорить едва ли целесообразно. Остается, таким образом, собственно, вот что: неудовлетворительность китайского законодательства и суда и, еще, политический беспорядок в Китае.

Вот это, разумеется, верно и несомненно и ни одним честным человеком отрицаться не будет. Но честным должно быть до конца. И, следовательно, к только-что нами сказанному и признанному еще должно добавить нечто другое. Мало ли где законодательство и суд плохие. Неужели же экстерриториальность—удел европейцев и американцев **везде**, где плохи местные законодательство и суд? Неужели формулировка может гласить так: лишь только дело, в поименованных отношениях, поставлено в стране неудовлетворительно, пусть крайне неудовлетворительно,—тотчас же подавай экстерриториальность. И какую, вдобавок, экстерриториальность: с «сеттльментами» и «концессиями» включительно!

Ограничусь двумя примерами—одним историческим и другим современным.

Известна эпоха, когда у нас в России, по выражению одного искреннейшего патриота, суды были полны «неправды черной». То было при Николае I. И о законодательстве нашем того времени, не исключая частноп правового законодательства, доброго слова не вымолвить тоже, при всем желании. В ту пору делали ли, однако, европейские державы и, в частности, делала ли культурная Франция—хотя малейшую попытку обезопасить своих граждан от нашего суда, от нашей, печальной памяти, администрации и полиции? Другими словами: заикнулось ли даже только французское правительство на тот счет, чтобы, в границах тогдашнего мрачного Российского царства, выговорить для фран-

пузов пресловутые права экстерриториальности? Не наблюдалось ли, скорее, иное? Так, не заискивал ли одно время Наполеон III—«божьей милостью», но «и волею народа» «император французов»—пред Николаем I, этим, подлинно, «жандармом Европы»?

А по части современности—пусть по совести ответят: оттого ли в Турции совершилась отмена капитуляций, что в ней все, в области законодательства, суда и пр., отныне стало прекрасно, в чем, мол, успели убедиться и гг. иностранцы? Или, быть-может, эта отмена капитуляций своим объяснением имеет другое? А если другое, то что именно? Не просто ли отказ со стороны Турции продолжать терпеть у себя дальше режим капитуляций — отказ решительный и внушительный? Вспомним, как союзные державы старались, в виду упразднения капитуляций, создать для своих подданных хотя какие-нибудь реальные гарантии, хотя на первый, переходный период. Но все их старания остались, более или менее, втуне. Глава турецкой делегации в Лозанне, Измет-паша, не пожелал допустить включения в протокол даже намек на особую правовую защиту иностранцев. Не пожелал допустить и не допустил, потому что оказался в настоящем случае... сильнее.

Вот отчего, как оно ни тяжело, не могу не согласиться: в ту минуту, когда Китай сумеет выступить, со своим требованием об отмене экстерриториальности, вполне авторитетно, во всеоружии политической мощи и с возможностью для себя подкрепить свое требование помощью **военной силы**,—в эту историческую минуту трактуемая проблема экстерриториальности будет для Китая разрешена благополучно и окончательно. Причем тогда это случится совершенно безотносительно к вопросу о недочетах законодательства, о судебных и других в Китае порядках или не порядках.

Сказанным устраняется, вместе с тем, возражение о политической ситуации в Китае, как причине, препятствующей отмене прав экстерриториальности. Да, эта ситуация, действительно, упрочивает экстерриториальность,—но почему? Исключительно потому, что порождает необыкновенную слабость Китая в деле проведения им своей воли при переговорах с трактатными

государствами. Не будет этой слабости—и голос Китая будет услышан, а права экстерриториальности и в Китае отойдут в область безвозвратно пережитого прошлого.

И еще лишь одно.

Как уже говорилось, отправление правосудия в Китае неудовлетворительно, очень неудовлетворительно. И, очевидно, для Китая обязательно самым добросовестным и самым энергичным образом приняться за работу по преобразованию своего суда и своего права. Но, в свою очередь, не могу не добавить:

Неудовлетворительна, без сомнения, также и консульская юрисдикция.

Чистосердечно признаюсь, никогда я не был ни поклонником, ни хотя бы сторонником консульских судов-устройства и судопроизводства. Но сколь ни сдержанно было мое отношение к данному институту, все же ничего подобного тому, что мне довелось узреть в Китае, что фактически здесь оказалось налицо, я не представлял себе и отдаленно.

Невероятно пестрый консульский процесс, весьма часто архаический и непригодный; система инстанций, приводящая к ужасающей затяжке производства и к невозможности для стороны проявить желательное активное участие в разноместных фазисах своей собственной тяжбы; несмолкаемые пререкания о подведомственности и подсудности и относящиеся сюда отсылки, отводы и т. п., а равно безвыходные противоречия—столь же естественные при великом множестве судебных систем и мест, без венчающего и объединяющего это множество здания, сколько вредные, неизбежно вызывающие ухищрения и злоупотребления гражданских сторон, а также подсудимых, которые всеми правдами и неправдами стремятся обеспечить себе те именно систему или судебное место, какие сулят наибольшую выгоду или наименьшую опасность; поразительное невежество консулов на протяжении всей территории Китая и во всех областях права, как чужого, так и своего национального, как гражданского, так и уголовного, как материального, так и процессуального, не говоря уже об областях, как частное международное право или общая теория права, в

которых означенные «судебные» (на самом деле вовсе не судебные и не самостоятельные, а административные и достаточно зависимые, связанные своими распорядительно-политическими функциями) деятели—сущие младенцы (а, ведь, в дополнение ко всему следует учесть, что всего чаще пред нами представители не Мексики и не Перу, а государств, как та же Франция или Великобритания!); далее, существование таких, поистине, «патологических уникумов» в сфере судоустройства и судопроизводства, как «Смешанные Суды» в Шанхае, «Международный» и «Французский», о чем я уже имел случай поведать в другой связи¹⁾; наконец, корпорация,—нет, не корпорация, а, много вернее, некоторая только совокупность поверенных и защитников, людей, в огромном своем большинстве не получивших надлежащего юридического образования и, сверх того, пользующихся довольно незавидной репутацией, — словом, грубых ремесленников, не удовлетворяющих профессионально этическому минимуму, который в Европе для адвоката есть подлинная «*condicio sine qua non*» и без которого его там не потерпела бы 24 часа ни государственная власть, ни собственная его среда, — все это, вся эта удручающая, прискорбная картина, эта до крайности нездоровая и развращающая атмосфера таковы, что жалеть об экстерриториальности в Китае, когда она исчезнет, проливать о ней прощальную слезу и в том случае, если на смену ей придут даже нынешние китайский суд и закон,—говоря по совести, не приходится.

Наконец, ко всему изложенному добавим еще вот какое важнейшее обстоятельство и соображение:

Поставленный в нормальные условия, Китай, без сомнения, позаботится, искренним и успешным образом, о требуемой постановке в стране и судебного также дела. При всех его недостатках, китайскому судье все же присущи и ценные качества. Тот же Паду признает за ним и «здравый смысл» (даже в изобилии), и «замечательное устремление в сторону справедливо-

---

¹⁾ См. «Из вопросов о подсудности в Китае», Харбин, 1925 стр. 15—17 («Вестник Маньчжурии», 1925, № 3—4, стр. 40).

сти». Паду резонно обращает внимание читателя на законченный в настоящем 1925-м году двухтомный «Сборник извлечений из решений Высшего Суда Китайской Республики по делам гражданским и торговым (1912—1918)», выпущенный в свет на французском языке так-называемой «Комиссией экстерриториальности», и замечает по этому поводу, не без некоторой даже дозы преувеличения:

«Этот сборник чрезвычайно поучителен: он свидетельствует не только о настоящей юридической науке, но и о большой гибкости ума, а также о плодотворном воображении, проявляемых судьями с целью приспособить старые правовые положения, которым минуло не одно уже столетие, к переменам, внесенным в социальную жизнь Китая новым духом времени». (Стр. 35).

Вот и отлично, — скажем мы с удовлетворением. А что касается остального, то оно «приложится». И, следовательно, отмена прав экстерриториальности обещает одно доброе даже самому делу отправления правосудия в Китае.

Дополним свою мысль словами: в Китае — таким же точно образом, как оно случилось в Турции, о которой уже упоминалось нами. И об этом еще лишь несколько слов.

По случайному совпадению обстоятельств, когда я дописывал предыдущие строки, мне доставили газету, в которой помещена корреспонденция из Стамбула от 10 июня. Корреспонденция, в извлечении, гласила:

«Вчера министр юстиции Махмуд-Эссад-бей открыл конференцию по реформе кодексов права и процесса речью, из которой явствует, что в Турции вся система законодательства накануне окончательного преобразования».

Далее повествуется, что на конференции была прочтена телеграмма турецкого премьера, нашего знакомого Измета-паши. В телеграмме сообщалось, что означенное преобразование абсолютно необходимо, и что для его осуществления конференции должно принять решительные меры. С чем, понятно, соглашается и Махмуд-Эссад-бей в произнесенной речи:

«Мы желаем,—так говорил глава турецкого судебного ведомства:—чтобы отныне наши законы строились в согласии с методами и принципами западных государств; мы желаем, чтобы наши прежние правовые начала—начала средневековья—уступили свое место новому праву... Мы народ современный и культурный и окажемся на высоте требований своего века...»¹⁾.

В заключение мы только спросим: разве не поучительно данное сообщение о турецкой реформе? Как явствует из приведенного, эта реформа не предшествовала отмене капитуляций, а, наоборот, за ней следует²⁾,

1) См. „Peking & Tientsin Times“ от 10 июля 1925, стр. 11.

2) Повторяю и подчеркиваю: именно так. По этому поводу не могу отказать себе (и, надеюсь, читателю) в удовольствии привести здесь два-три коротких места из статьи французского (лионского) профессора Пикара, помещенной в известном «Journal du Droit International Privé» (Clunet) за 1923 год (том 50, стр. 55 и след.)—в дни перерыва Лозаннской Мирной Конференции, когда союзниками еще не все были сланы позиции по части капитуляций.

Пикар всячески подчеркивал невозможность отречься в полной мере от системы капитуляций до тех пор, пока „Коран, стихи коего смотрят на христианина как на «неверного», останется кодексом законов для Ислама“, и, между прочим, добавлял: „А, кроме того, дефектная организация турецких судебных мест еще подкрепляет законное в остальном недоверие“ („De plus, l'organisation défectueuse des tribunaux turcs accentue encore une défiance trop légitime“).

На самой конференции усовещевал „неблагоразумных“ турок представитель Японии барон Гаяши. Так нельзя, как вы того хотите, гг. турки,—поучал он.—Сразу нельзя: нужна постепенность. „Доверие внушается, а не предписывается. Отмена режима капитуляций может совершиться только после того, как предварительно произошла реформа судоустройства и законодательства и тем самым в правовую систему страны введены положения, которые не слишком сильно противоречат правовым положениям международного общения и способны, сами по себе, обеспечить иностранцам известный минимум безопасности“. Таким-де образом поступила Япония, так же поступают и другие страны. „Одна лишь Турция .. хочет сжечь все этапы и принести в жертву без соблюдения меры, самые законные интересы“. („On inspire la confiance, on ne l'impose pas. La suppression d'un régime de capitulations ne peut avoir lieu que si, préalablement, une réforme de l'organisation judiciaire et de la législation introduit dans le système juridique du pays des règles qui ne soient pas en contradiction trop profonde avec celles de la communauté internationale et qui puissent, par elles-mêmes, assurer un minimum de sécurité aux étrangers... Seule la Turquie... voudrait brûler toutes les étapes et sacrifier, sans ménagement, les intérêts les plus légitimes!“).

причем, однако, следует на расстоянии всего лишь двух лет. Не открывается ли нам здесь желанный прообраз решений, действий, событий и по отношению к Китаю? Не видеть ли нам в турецком прецеденте счастливого предзнаменования и для китайского народа?

СПЕКТР

000142568

И потому, заключал проф. Пикар: „Très-fermement, les Alliés ont proposé de suivre la voie dictée par l'expérience“, т.е.: „-большую твердостью союзники предложили держаться пути, диктуемого опытом“. Увы! от этой, твердости* много ли уцелело к средине того же года, всего лишь несколько месяцев спустя, в той же приснопомытайной Лозанне?